
18+
попробуй
НЕ УМРИ
1 часть
18+

Аничка

Попробуй не умри. 1 часть

«Автор»
2026

Аничка

Попробуй не умри. 1 часть / Аничка — «Автор», 2026

Приходя на торжественный вечер, Мира ищет себе связи, потенциальных работодателей и возможность начать новую жизнь. И совсем не рассчитывает стать целью человека, который не привык отпускать то, что считает своим. Теперь она заперта под одной крышей со своим спасителем — человеком, который обещает защитить ее и действительно держит слово. У его безопасности есть цена: никаких лишних вопросов и самостоятельных действий.Но за пределами обычной жизни существует мир, в котором действуют свои правила и Мира оказывается втянута в него, сама того не желая. (Обложка сгенерирована ИИ)

© Аничка, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Аничка
Попробуй не умри. 1 часть

Глава 1

Руки нервно разглаживают черное облегающее платье и нащупывают затяжку на ткани, которой час назад еще не было. Я закрываю дверь такси и делаю глубокий вдох, проверяя в клатче хлопковую бумагу с золотым тиснением — приглашение на торжественный ужин для лучших выпускников. Мне приходилось спать не больше четырех часов в сутки на протяжении пары лет ради этой пафосной бумажки, так что теперь она мне должна.

Здание музея, ежедневно заполненное туристами, сегодня делает паузу в расписании, пуская в свой двор только по спискам. Каблуки касаются старой брусчатки, и я невольно замедляю шаг, чтобы растянуть этот момент. Разглядываю колонны, подпирающие потемневший от времени фасад, и высокие окна, в которых отражается закатное небо. Все кажется куда внушительнее, чем на обычной экскурсии.

Звуки улицы, оставаясь позади, постепенно исчезают, уступают звону бокалов и приглушенным голосам, что растекаются по пространству. Кто-то случайно задевает меня плечом, и я рассерженно провожаю его взглядом, пока глаза не цепляются за нераспоротую шлицу пиджака. Похоже, не одной мне придется сегодня изображать радушие, пока большинство будет принимать происходящее как должное. Все-таки в основном сюда попадают по блату, а мы так — разбавляем их для красивых строчек в статистике.

Официанты тенями в одинаковых костюмах любезно скользят между людьми. Я ловлю одного из них и беру бокал шампанского, чтобы чем-то занять руки. Пузырьки неприятно колят язык, отчего губы слегка кривятся. В детстве мне казалось, что люди пьют алкоголь, потому что им нравится его вкус. Но, повзрослев, я поняла, как ошибалась.

До начала еще минут пять. Все вокруг обмениваются приветствиями на ходу и непринужденно знакомятся, пока я стою столбом, совершая очередной глоток. Взгляд внимательно скользит по их лицам в надежде отыскать хотя бы одного однокурсника и затеряться в бессмысленных разговорах.

Кто-то машет в мою сторону, и я уже собираюсь ответить, но, прищурившись, понимаю, что он мне незнаком. Из-за моей спины неспешно выходит девушка и идет навстречу незнакомцу, когда недалеко от колонн раздается звонкий знакомый голос:

— Видела, как много охраны?

Позабыв обо всем, оборачиваюсь и вижу Таю. Среди пастельных классических нарядов она выделяется своим ярко-красным платьем. Даже удивительно, как я не заметила ее сразу. Цвет немного режет глаза, но ее лицо светится гордостью.

— Открывать сегодняшний вечер будет глава фонда… Как его там? — Тая осекается под молчаливым вниманием Марины, прикованному к ее рукам, нервно перебирающим звенья ремешка черной и, возможно, слишком дорогой сумочки.

— Эрик Янг, — Марина лениво откидывает волосы с плеча.

Она не впервые на подобном мероприятии, потому не уступает в элегантности и уместности остальным. Я старалась не задумываться, но все же иногда не получалось игнорировать зависть. Всегда было интересно, каково это, когда у твоей жизни другой старт.

Я тихо, чтобы не привлекать внимание, окликаю их, распахивая руки для объятий, и шампанское чудом не проливается на наши наряды.

— Простите, все утро носилась с документами по работе, — я опускаю глаза и извинительно поджимаю губы.

Марина осторожно выпутывается из объятий, чтобы поправить свой костюм, а я вопросительно кошусь на сумку Таи.

— Взяла на прокат, — заговорщически шепчет она, быстро понимая намек.

— Смотри не потеряй, — Марина неодобрительно качает головой. Не испытывая нужды в чем-либо, она постоянно повторяла Тае одну и ту же мысль — жить по средствам, — А то останешься с родителями на все лето, пока не расплатишься.

Классическая музыка из колонок становится громче, прерывая нашу беседу. Широкие каменные ступени ловят последние лучи солнца и ведут нас вместе с толпой к массивным дверям. Под ногами скрипит старый отполированный паркет, прикрытый затоптанным бордовым ковром по центру прохода. Стены просторного помещения украшает позолоченная лепнина. Я кривлюсь от одной мысли о том, как долго и сложно это протирать от пыли. А может, и вовсе этим никто не занимается.

Уже ближе к самой сцене нас перехватывает ректор, и я опускаюсь на свое место за круглым столом. Он заводит разговор о наших планах на будущее и в его голосе слишком явно читается надежда, что университетские стены пополнятся новыми фотографиями успешных выпускников. Я ерзаю на стуле, ища как бы поудобнее устроиться. Новые неразношенные лоферы раздражают своей теснотой, поэтому под столом решаюсь приспустить их с пятки, но дискомфорт никуда не уходит. Чужие цели мне кажутся весьма амбициозными. Мои, конечно, такие же, только вот озвучивать их раньше времени не хочется.

Откинувшись на спинку, я слушаю их вполуха и оглядываюсь по сторонам. Внимание останавливается на проходящем мимо пожилом мужчине в дорогом костюме.

Кажется, я его где-то уже встречала. Качественно сшитый костюм, седина и двое сопровождающих — под это описание подходит любой из представителей, которые будут сегодня знакомиться с нами. Задумавшись о его личности, не сразу замечаю, как он оценивающе скользит по мне темными глазами и тут же отворачивается, не скрывая недовольство, сопровождающееся тяжелым вздохом. Это не презрение, нет. Скорее так смотрят на детей, не оправдавших ожиданий, но никак не на незнакомую взрослую девушку. Я передергиваю плечами от неприятного ощущения, но не могу отвернуться. Его походка, манера держаться — он идет в сторону сцены, подминая под себя пространство, и каждый его шаг гулом отдается по полу.

Зал замолкает, когда он останавливается у микрофона, и только тогда я облегченно выдыхаю. На лице мужчины проступает отработанная улыбка:

— Добрый вечер, будущие светила науки, бизнеса и творцы, — его низкий бархатистый голос растекается по залу, останавливая перешептывания и приковывая внимание всех, — Я — Эрик Янг, основатель инвестиционного фонда «Надежда», а также владелец частной галереи «Верь».

Он делает паузу в ожидании, когда стихнут аплодисменты. Я хлопаю аккуратно, больше механически, стараясь не стучать кольцами друг о друга.

И все-таки он действительно мне знаком, разве что на фото выходит лет на десять моложе.

— Совсем скоро вы окажетесь на распутье, где от вашего выбора будет зависеть дальнейшая жизнь, — он произносит это гладко, без запинки, — И лишь те, кто найдут себе правильного проводника, смогут беспрепятственно взойти выше остальных. Я всю жизнь собираю шедевры и тех, кто готов их создавать. Мой фонд с радостью примет лучших из вас и поможет определиться с выигрышным путем.

Слова «выше остальных» неприятно царапают меня. Я опускаю глаза и складываю руки на коленях, а когда поднимаю голову — в очередной раз сталкиваюсь с его взглядом. Две секунды, три. Четыре. Не понимаю, что он пытается разглядеть на моем лице, но не выдерживаю и принимаюсь делать вид, будто меня очень интересуют складки тяжелого бархатного занавеса. К окончанию речи я успеваю изучить всю сцену так, что могу нарисовать ее по памяти.

Воздух становится легче, когда по залу проносится скрип стульев. Я обнаруживаю, что все это время сминала под пальцами юбку платья. На ткани проступили заломы, которые я судорожно принимаюсь разглаживать обратно.

— Эй, все в порядке? — шепчет мне Тая, склонившись над ухом.

Место Марины уже опустело.

— Да, просто задумалась, — киваю в ответ.

— Что ж, мне пора, удачи! — рука подруги сжимает мое плечо и Тая теряется среди остальных.

Оставшись за столом в одиночестве, я позволяю себе откинуться на спинку стула и прикрыть глаза, чтобы собраться с мыслями. Делаю глоток шампанского и осматриваю людей.

Еще неделю назад я изучила список гостей и как назло первый в списке приоритетов уже стоит пожимая руку Янгу. Он тоже есть в списке, но в другом. Вместе с остальными, куда, — как мне подсказывает моя неуверенность, взращенная годами жизни в родительском доме, — я записала тех, кто выше моего уровня. Как-то даже отправляла в фонд «Надежда» свое резюме, но ответ так и не пришел. Наверно подперли им ножку стола.

Быть может…

Холодок пробегает между лопаток, когда я вспоминаю выражение его лица. Но глупо будет не попытать удачи — какая разница, как он на меня посмотрел, если все же заметил. Разберусь по ходу разговора. За спрос денег не берут.

Я залпом выпиваю то, что осталось в бокале и, пока меня не успела поглотить тревога, решительно встаю со стула. Прокручиваю в голове всю информацию, что успела собрать. Будет полезно упомянуть, что я не раз участвовала в благотворительных мероприятиях фонда.

Глубоко вдыхаю пару раз и делаю широкий шаг вперед, но мой обзор загораживает чье-то плечо. Едва обратив внимание на помеху, я наклоняюсь вбок и наблюдаю, как одну из моих целей окружают другие выпускники. Они принимаются что-то увлеченно обсуждать, отвешивая комплименты и слишком громкие улыбки.

Не сейчас.

Разочарованно выдохнув, я снова смотрю на мужчину, в чьих сощуренных глазах нетерпеливо мелькают отблески ламп. Замечаю, как он внимательно разглядывает мое лицо, словно с чем-то сравнивает. И молчит.

Тот самый, что приветствовал девушку на входе.

Вблизи вижу, что онслишком взрослый для выпускника и слишком молодой для представителя компаний и фондов, собравшихся здесь. Темно-коричневый костюм необычной фактуры, безупречный крой, уверенная осанка и слегка нахальное выражение лица.

Замечая мою растерянность, он поправляет манжету, как бы невзначай сверкая часами, растягивает губы в тонкой улыбке и продолжает молчать. От давящей тишины моя рука сама тянется поправить платье на плече, которое на самом деле не нуждается в этом, но замирает под его довольным смешком. Кажется, мы играем в какую-то игру, и я только что проиграла.

Открываю рот, чтобы закончить этот поединок, но он опережает меня:

— Уже решили, кого будете очаровывать?

Его голос намеренно тихий и я сама не замечаю, как невольно делаю шаг к нему навстречу, чтобы лучше слышать.

— Говорят, тут собрались самые лучшие, но не переживайте. Не только вы боретесь за их внимание, — незнакомец наклоняется ближе ко мне и из его намеренно небрежной прически на его лицо падает пара светлых прядей, — Они тоже охотятся за самыми перспективными экземплярами.

Последнее слово он произносит медленнее, пробуя его на вкус, и смотрит прямо мне в глаза. Тут даже не нужно догадываться, что передо мной сейчас стоит один из самых неприятных типажей в рабочей среде — тот, кто относится к обычным людям как к товару на вит-

рине. Чаще всего это обычные начальники, впервые получившие каплю власти, но что-то в его интонации и костюме надрывно кричит о том, что он не просто обычный наемный рабочий.

— Вот к ним, кстати, — не дождавшись ответа, едва заметно кивает через плечо, указывая на сутулого мужчину с залысинами рядом с господином Янгом. И, кажется, того совсем не беспокоит, что его костюм сшили лет десять назад, когда он был моложе и худее, — Я бы не советовал, у них дурной вкус.

Между нами повисает неловкая пауза. Я киваю, притворно соглашаясь с ним, хотя понимаю, что мне на самом деле все равно — пойду за теми, кто предложит выгодные условия или хотя бы просто согласится. Место, где я сейчас стажируюсь, не обещает никаких карьерных перспектив.

— Простите, а вы? — наконец нахожу в себе силы сделать шаг назад и добавить воздуха между нами. Ноги касаются стула, он отрезает мне путь к внезапному побегу.

— Прошу прощения, где же мои манеры, — вздыхая, незнакомец поправляет галстук и в одно мгновение принимает серьезный вид, с каким обычно ходят начальники, — Можете обращаться ко мне просто Ксандр. Я решаю кадровые вопросы в фонде господина Янга. Ваше резюме показалось мне многообещающим, хоть и требует доработки.

Мой новый знакомый склоняет голову в ожидании реакции, пока я складываю два и два. Глаза сами находят Янга и успевают уловить его нечитаемое выражение лица, обращенное в нашу сторону. Это он опять так на меня реагирует? Или не на меня — Ксандр машет ему рукой и тот теряет всякий интерес.

Похоже, и правда знакомы.

Задумавшись, я не сразу замечаю, что мой новый знакомый приблизился ко мне на шаг. Теперь Ксандр стоит ближе, чем разрешают правила приличия и смотрит так, будто у меня красная точка на лбу.

— Приятно познакомиться, я Мира. И спасибо, — осторожно произношу и украдкой поправляю волосы, легко касаясь лба. Вдруг там и правда что-то есть, — Рада, что вы его запомнили.

— Запомнил? — он мягко смеется, и мне начинает казаться, что я сказала что-то очень наивное и глупое, — Что вы! Я его изучал. У вас очень интересная биография. Вы совсем не похожи на подавляющее большинство присутствующих здесь.

Мне не удается скрыть удивление, что вызывает на его лице усмешку. Странный он. Впрочем, у каждого свои причуды. Если ему нравится эта игра, почему бы немного не подыграть? Главное сейчас — понять, какая версия меня вызовет у него интерес.

Пока я подбираю слова, Ксандр ловко перехватывает у официанта два бокала так, что тот даже не замедляет шага. Зачем-то прокручивает напиток, как это обычно делают с вином, и протягивает мне. Пузырьки хаотично мечутся по бокалу, и я, стараясь не касаться его тонких пальцев, принимаю его. После небольшого глотка в горле оседает незнакомая горечь. Я замираю с бокалом у губ, задумчиво стирая большим пальцем капельку с поверхности стекла.

Ни разу не пробовала такое. Сухое?

— Сирота, рано оставшаяся без родителей и воспитанная в приемной семье. Теперь вы желаете отплатить им за безбедное детство, — его вкрадчивый голос становится тише, незаметно смешиваясь с окружающим шумом. От предчувствия мои пальцы впиваются в тонкую стеклянную ножку, а к ушам приливает тепло, — Позвольте, это благородно. А мы любим тех, кто нуждается в деньгах — это более честно, чем рассказы о великих целях. И нам совсем неважно, на что они для этого готовы пойти.

Я открываю рот, но не нахожу, что ответить. Рассказ в резюме о моих приемных родителях — правда лишь наполовину. Его пришлось приукрасить, чтобы создать образ благородной нуждающейся девушки из небогатой семьи.

— И на что пойти предлагаете мне вы? — невинно спрашиваю я.

Нужно узнать, как много он раскопал и будут ли с этим проблемы.

Вместо ответа в моих ушах застревает глухой звон: Ксандр стукнул своим бокалом о мой, принуждая выпить еще раз. Я мешкаю, но под пристальным взглядом все же не решаюсь проявить неуважение и делаю глоток. Еще чуть-чуть и ножка бокала треснет в моих пальцах, проливая все содержимое на его дорогой костюм и натертые до блеска ботинки.

Один звонок моей маме — и уже через секунду она расскажет все — в шестнадцать лет я сбежала из дома, оборвав все контакты, предварительно поссорившись со всей семьей. Точно расскажет. Еще и приврет для красочности. Один звонок. Но никто не будет так сильно заморачиваться.

Правда ведь?

Я натягиваю на свое лицо улыбку, которая выходит немного кривой, и произношу:

— Буду рада быть вам полезной, — интонация получается вязкой.

Я слегка прикусываю язык и ощущаю, как его кончик онемел. Хочу сказать еще, но глаза цепляются за бокал. В нем еще больше половины, плюс один бокал до этого. Стоит выпить воды. Или выйти на свежий воздух — тут душно и шумно. Я касаюсь ладонью шеи, остужая ее. Терпеть не могу терять контроль над собой.

— Прошу прощения, — произношу я вяло, с трудом проговаривая каждое слово, — Мне стоит ненадолго присесть.

Не дожидаясь ответа, я отворачиваюсь и с глухим стуком ставлю бокал на край стола. Вторая рука цепляется за край и пальцы сминают белую скатерть.

— Вам плохо?

Прохладная ладонь ложится на мое открытое плечо, разнося мурашки по коже, и меня окутывает теплый дымный аромат, который мешает сосредоточиться. Я вздрагиваю, пытаюсь отстраниться, но он так нагло разворачивает меня к себе, что я чуть не оседаю на стол. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним глазами — Ксандр стоит в сантиметре от меня и смотрит в упор.

Мне нужно отступить, но я будто намеренно забываю, как пользоваться ногами и только могу, что завороженно разглядывать его в ответ. Тонкие губы, прямой аристократичный нос с небольшой горбинкой и глаза. Глаза, в которых веселятся блики, отчего карие радужки становятся почти золотыми. Они внимательно исследуют мое лицо, скользят по губам, щекам. На мгновение мне кажется, что на их дне мелькает тоска, но уже через секунду он моргает и на ее место приходит пустота. Наваждение спадает, и я прячу лицо, опуская голову. Можно было сегодня обойтись и без румян.

— Все в порядке, — тянусь к плечу, чтобы убрать его руку, но движение получается слабым, и я скорее хватаюсь за рукав его бархатного пиджака, сминая ткань.

Не хватало, чтобы нас кто-то увидел и неправильно понял, но все заняты своими делами. Или нет. Я не могу разобрать.

Мир тянется, расплывается за каждым поворотом головы. Чужие лица, блеск бокалов и вспышки фотокамер режут зрение, заставляют часто моргать. Холодной влажной рукой я накрываю лицо, наплевав на макияж, и пытаюсь сосчитать до десяти.

Что со мной?

— Вы можете… — упираюсь ладонями в его грудь и безуспешно отталкиваю его.

Нужно срочно уходить, пока я не успела стать звездой этого вечера, распластавшись на полу от опьянения у всех на виду. Иначе уже на следующий же день обо мне будут знать не только потенциальные работодатели, но и вообще все в этом городе.

— Я провожу вас в более тихое место, — сквозь гул чужих голосов прорывается чей-то, будто увязая в толще воды.

Чужая рука крепко обхватывает мою талию, прижимает к себе, удерживая на ногах, и тянет за собой. Мои глаза слепнут от яркого света. Окружающее пространство сливается в одно бесформенное пятно, будто меня погрузили в желе. Я теряюсь в пространстве и постоянно то шагаю в пустоту, то натыкаюсь на что-то твердое. Опираюсь на чьи-то крепкие руки. Мысли путаются и я больше не помню, где я и как здесь оказалась.

Ноги подкашиваются, спотыкаются о воздух и следующий шаг отправляет меня в пустоту. Медленно покачиваясь, я чувствую, как моя спина касается чего-то мягкого и прохладного.

Последнее, что я слышу, — чей-то голос с издевкой, эхом проносящийся в тишине:

— Вы приняты.

Охранник.

— А голову ты дома не забыл? В подсобке есть галстук, дуй за ним. Живо! — старший ругает парня, который только что влетел в подсобку.

Рука, что только что тянулась расстегнуть верхнюю пуговицу, стряхивает несуществующую ворсинку на черной рубашке. Уже час подставной охранник слушает нудный инструктаж по обеспечению безопасности мероприятия. Ноги гудят, а синтетический воротник грозится придушить раньше времени.

Сегодня самая обычная операция, каких он провел уже сотни. Просто затеряться среди персонала, просто наблюдать за целями. И заодно отметить их возможных жертв.

Такое бездействие дается ему тяжелее всего — тело требует активной слежки, погонь и открытых столкновений. Жаль только, что с Эриком Янгом иначе нельзя. Еще несколько месяцев назад их организация могла закрывать глаза на те редкие случаи, что попадали в поле зрения. Все следы лишь косвенно вели к нему. Достаточно, чтобы заподозрить Янга, но недостаточно, чтобы схватить — им доставались только исполнители. Но за последний месяц Янг вышел за рамки негласного договора. С тех пор воздух в кабинетах изменился, как и лица коллег, на которых застыла тревога.

— Приступаем, — голос старшего наконец завершает инструктаж, и все постепенно покидают подсобку.

Благодаря связям организации удается распределить их на нужные позиции, откуда удобнее будет наблюдать, не вызывая лишних подозрений. Пока что ему удавалось скрывать свою личность, а потому можно не бояться показываться на глаза. Да и кому есть дело до персонала — в глазах гостей они лишь функции, к которым можно обратиться за услугой.

Охранник делает небольшой круг, отмечая масштабы здания, и заодно цепляет взглядом Янга. Прямо сейчас тот приветствует своих старых знакомых в душном коридоре. Жмет руки и улыбается той же улыбкой, что мелькает на экранах телевизоров. От одного ее вида у охранника сводит скулы. С тем же выражением лица Янг подбирает себе новых жертв.

На пороге главного зала напряжение пробегает по каждому позвонку. Рука непроизвольно скользит в карман, где лежит пустая баночка из-под конфет — напоминание о прошлой

ошибке. Палец проходится по знакомому рельефу. В огромном зале, где соберутся влиятельные люди этого города, ни одной красной лампочки — кто-то заранее позаботился о камерах. Но так даже лучше. Можно действовать свободнее.

Охранник медленно выдыхает, как его учили. Отключенные камеры совсем не то, из-за чего стоит переживать, но внутри уже поднимается знакомое, почти обреченное ожидание худшего. Оно преследует его по пятам, не давая расслабиться даже во время сна. Одним движением руки он поправляет скрытую камеру в нагрудном кармане, прежде чем облокотиться на колонну.

Двери распахиваются, пропуская толпу. Это не единственный путь наружу: по бокам зала начинаются коридоры, отгороженные рядами колонн и уходящие вглубь здания. В одном из таких проходов он фиксирует Ксандра. Охранник знает его в лицо по прошлым слежкам и чужим докладам. Импульсивный и пугающе аккуратный. Тоже исполнитель, но правая рука Янга, к которой также сложно подобраться.

Только вот сегодня его не заботят правила приличия. Ксандр вьется у колонн, теребит узел галстука и всматривается в толпу входящих студентов. Выискивает кого-то.

Новую жертву?

Вон тот, с зализанными назад волосами, вполне подходит под типаж. Такие, как он, любят демонстративно отрекаться от денег родителей и кричать направо и налево, что справятся сами. Ксандру хватит и пары разговоров, чтобы заманить его в фонд. Возможно, уже через пару дней этот папенькин сынок может оказаться в списке пропавших. А еще через неделю объявится, но уже с пустыми глазами. Станет их марионеткой.

На прошлой неделе один из его подчиненных вернулся — третий, кого они отправили в фонд Янга, и первый, кто смог выйти. В прошлую пятницу они нашли его за столом в баре, где всегда собирались после работы. О ничего не помнил, но в руках сжимал записку. Сейчас это предупреждение висит в кабинете у руководства.

Гул голосов стихает, когда ведущий объявляет о начале церемонии. Охранник незаметно отступает в тень колонн и перемещается ближе к сцене. Остальным залом займутся его подчиненные, которые тоже скрываются за формой. Официант на другом конце зала ловит его взгляд и тут же отворачивается, едва коснувшись мочки уха. Сигнал, что все под контролем.

Во время речи Янг в очередной раз переводит взгляд на правую часть зала. Уже в пятый раз, если быть точнее. Ораторов учат методу треугольника: обращать свое внимание ко всем. Но после каждой фразы он не переходит к другой части зала. Нет, он возвращается к столику возле сцены, будто проверяя чью-то реакцию. Значит, тот, на кого он так смотрит, должен среагировать. Остается только понять, кто так захватил его внимание и имеет ли это значение.

Ровная осанка, заинтересованное лицо…

Нашел.

Все в зале на восемьдесят человек сидят и внимают его словам, ловят каждый жест. Но не она — девушка, которая нервно теребит платье и постоянно отводит взгляд. Если бы могла, наверняка уже сбежала бы отсюда.

Охранник моргает, прогоняя резь в глазах.

Платье недорогое, сама девушка держится скованно. Не подходит под типичный портрет. У нее явно нет хороших связей или же капли того влияния, которое есть у остальных. Он мысленно вычеркивает ее из списка.

Больше никого. Странно.

Скрип стульев нарастает по всему залу. Присутствующие нетерпеливо сбиваются в небольшие группы, но до их разговоров охраннику нет никакого дела. Его внимание остается прикованным к Янгу. Тот вальяжно проходится по залу, в ожидании, что хоть кто-то осмелится к нему подойти. Лишь один раз Янг оборачивается на Ксандра, который подходит к…

Если бы его напарник был тут, то охранник мгновенно прожег бы его взглядом. Но он, похоже, только что напросился на выговор, покинув позицию. Или пропал. В наушнике лишь треск и никаких объяснений вроде: «Я отошел в туалет». Такое обычно сообщают заранее.

Один усталый выдох и охранник меняет расположение, чтобы контролировать сразу обоих. На всякий случай отпечатывает в памяти лицо девушки и слегка разворачивает корпус так, чтобы скрытая камера ее засняла. Будет полезно, если он все же что-то пропустил. В остальном же — пока не происходит ничего интересного. Выпускники липнут к Янгу, будто мухи, стараясь обратить его внимание на себя, хотя он он слушает их, едва ли проявляя интерес. А Ксандр тем временем терроризирует бедную девушку. Каждый раз, когда она пытается отступить, он оказывается рядом.

Наблюдая за этой картиной, охранник презрительно хмыкает про себя, но уже через мгновение воротник впивается ему в шею подобно удавке. Не будь он знаком с тонкостями подобных ситуаций, никогда бы не обратил внимание на неестественно быстрое опьянение девушки. Скрытая камера не засняла, доказательств, что Ксандр подмешал ей именно яд, нет.

Но по протоколу действовать придется так, будто это он. Нога делает шаг, но так и зависает над невидимой границей, которую образует тень.

Поздно.

Еще шаг и он выдаст себя, раскроет маскировку и поставит под удар всю операцию. В организации за такое по голове не погладят, просто отстранят.

Взгляд падает на часы, отпечатывая в памяти время. Остается часа два до того, как яд — если это действительно он — завершит свое действие, а значит времени подождать подходящих условий безмерно мало, но оно еще есть.

Ксандр всегда работает чисто. Заранее устанавливает контакт, а затем под предлогом работы или каких-либо заманчивых предложений назначает встречу в уединенной обстановке. Именно поэтому он все еще не в списках на устранение, но сейчас буквально взял ручку, чтобы вписать туда свое имя самостоятельно.

Если Ксандр нарушает свой шаблон, то он или глупец, или что-то заставило его изменить свои привычки. Если охраннику повезет, то Ксандр даже не заметит, кто и когда увел у него из-под носа жертву. Если же нет… Неважно.

Поймав взгляд напарника, охранник чешет затылок и касается часов, отправляя сигнал: быть начеку. И направляется за парой, которая уже скрывается в коридоре. Девушка еле передвигает ногами, безвольно цепляясь за того, кого считает спасителем. Спутанность сознания, неспособность контролировать тело и скорость ухудшения — все это очень похоже на обычное наркотическое опьянение. Если бы не Ксандр рядом. Одно лишь его присутствие меняет ситуацию.

Совсем скоро они скрываются в кабинете. Охранник останавливается за углом, прислонившись затылком к холодной стене. В голове проносится план здания, пока рука в очередной раз касается жестяной упаковки в кармане. Привычка запоминать расположение коридоров и помещений с одного взгляда давно въелась в мозг. До ближайшего выхода три минуты. Семь, если с девушкой на руках. Придется избегать сомнительных мест, чтобы никого не встретить. Итого осталось чуть меньше полутора часов.

В тишине коридора дыхание охранника кажется громче любого выстрела. Форма неприятно липнет к коже, и он оттягивает воротник, пропуская холодный воздух к коже. Если Ксандр не выйдет в ближайшие полчаса, нужно придумать, как его оттуда выманить. Ксандру незачем сидеть там все два часа и караулить. Да и для алиби полезно побыть на виду.

В голове почти формируется план, когда из кабинета раздается звон телефона, за которым слышатся раздраженные шаги.

— Только быстро, — голос Ксандра отражается от стен и находит самого охранника.

Охранник с досадой отмечает звук поворота ключа и только когда чужие шаги совсем растворяются в едва слышных звуках разговоров и музыки, позволяет себе выйти из укрытия.

Времени достаточно.

Правое колено неприятно хрустит, когда он опускается перед замком. В руках звякают отмычки, и с тихим вдохом он бегло осматривает замочную скважину. Повезло. Достаточно самого тонкого — государственные учреждения редко видят ремонт. Медленно выдохнув, он прислоняется ухом к двери. Металл мягко щелкает, и первые два штифта поддаются с тихими щелчками.

Третий упирается, и кровь отливает от пальцев. Выругавшись одними губами, он быстро оборачивается через плечо, проверяя коридор, и возвращается к замку. Выдох. Ослабив натяжение, он повторно поддевает третий штифт. Раздается щелчок и натяжитель поворачивается.

Почти не дыша, он дергает ручку и выходит внутрь. Девушка мирно лежит на диване, и, если никто не догадается проверить ее дыхание, любой решит, что она просто уснула. Вот так, в разгар мероприятия, распластавшись в чьем-то кабинете в неестественной позе.

Дыхание едва уловимо. Пальцы охранника замирают на тонкой холодной коже у шеи. Эта секунда ожидания пульса всякий раз растягивается до бесконечности.

Жива.

Девушка издает невнятный протестующий звук и пытается оттолкнуться, когда он подхватывает ее на руки. Внутри все замирает от взгляда на бледное, почти безжизненное лицо. Но в то же время на задворках сознания всплывают старые дела. Одни и те же лица, один и тот же Ксандр рядом с ними. И все это происходит с такими большими временным промежутками, что сходу не вспомнить, не соотнести. Единственные дела, которые никак не вяжутся с фондом.

Крепко прижимая девушку к себе, охранник цепляет дверь носком ботинка, выходит в коридор и по внутренней связи сообщает обстановку остальным. Старается нигде не задерживаться, но все же сбавляет шаг перед каждым поворотом, прислушиваясь, нет ли кого на пути.

Если все пройдет гладко, то он передаст ее в руки Максу, а сам вернется к слежке.

Свежий воздух врывается в легкие, сменяя спертый запах старины. Вдали за забором виднеется припаркованная машина. Внутри угадывается движение, но лишь когда он подходит вплотную из нее выскакивает подчиненный, что ждет тут все это время.

— Стабилизатор, — ровным голосом отдает приказ охранник.

Раздается щелчок бардака и нервное копошение, пока охранник открывает заднюю дверь и аккуратно укладывает девушку на заднее сиденье.

Привычным, но уставшим движением он вводит содержимое шприца в ее руку. Отсчет пошел заново. Два часа превратились в месяц: препарат не лечит, а лишь снижает концентрацию вещества до минимальных значений. За месяц ее организм должен самостоятельно вывести яд. Ей остается только не умереть в этот промежуток в результате несчастного случая. От остальных угроз ее защитят они.

— Успели? — опасливо спрашивает Макс, разглядывая девушку через затонированное стекло.

— Да, — облегченно выдыхает охранник. — Узнай, кто она, соберите все ее перемещения за последний месяц-полтора и найдите все, за что можно прижать Ксандра. У меня нет никаких доказательств, кроме ее состояния.

Он опускает плечи и наконец чувствует усталость, копившуюся весь этот вечер. Взгляд скользит по лицу, к которому только начал возвращаться цвет.

— А, да, — охранник выцепляет из памяти смутные воспоминания, — Возможно что-то найдется в старых делах по Ксандру за последние десять лет. Все. Я доложу и потом вернусь на точку.

Он тянется к телефону, но тот его опережает. На долю секунды его пальцы сжимают телефон, а затем он, прикрыв глаза, нажимает на кнопку ответа.

— Ты раскрыт, с Марком связь потеряна. Не знаю, что вы там устроили, но они ищут какую-то девушку, — в голосе на том конце звонка легко читается недовольство.

— Подготовьте *фальшивую легенду*, квартиру и досье на нее, — охранник, не дав собеседнику опомниться, берет ситуацию в свои руки, придумывая на ходу, как обернуть это в их пользу, — Сделайте так, чтобы она осталась по своей воле. Она может понадобиться нам, чтобы выйти на Ксандра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.